М. В. НИКОЛАЕВА

«ТЕСТАМЕНТ» ПЕТРА I ЦАРЕВИЧУ АЛЕКСЕЮ

В июне 1718 г. в Петербурге по приказу Петра I было обнародовано «Объявление розыскного дела и суда ... на царевича Алексея Петровича», представлявшее собой сборник материалов-документов, сопровождавшихся краткими комментариями издателя. Все это в своей совокупности отражало историю взаимоотношений между Петром I и сыном его Алексеем в период между 11 октября 1715 г. и 3 февраля 1718 г., а также ход следствия и суда над царевичем в феврале—июне 1718 г. «Разыскное дело» было составлено из писем царя к сыну и ответов на них царевича;письменных показаний-ответов царевича Алексея на поставленные ему отцом вопросы; писем царевича из Цесарии (Австрии), адресованных «к сенаторам» (одно) и «к архиереом» (тоже одно); показаний «внебрачной жены» Алексея Афросиньи; двух «Объявлений» Петра I, из которых одно было обращено к архиереям с требованием дать ему письменное «наставление и рассуждение» по вопросу о том, «какого наказания сие богомерзское и Авесоломову прикладу уподобляющееся намерение сына нашего, по божественным заповедем, и протчим святаго писания прикладам и по законам, достойно», а другое — «к мирским чинам»: «господам министрам, сенату и стану воинскому и гражданскому» с аналогичным же требованием учинить «нелицемерный суд над царевичем». Далее в Деле следовали ответы на эти «Объявления» царя от иерархов — «Разсуждение духовного чина», скрепленное четырнадцатью подписями, и от гражданских чинов «выписки» из «божественнаго писания обоих Заветов, такожде из Уложенья и из Военнаго артикула к тому приличныя статьи, чего оныя преступления достойны». Затем в Деле излагались допросы царевича министрами, сенаторами и прочими чинами. Последнюю, завершающую часть «Разыскного дела» составил текст смертного приговора царевичу, подписанный 127 лицами, высшими государственными чинами,

Перед нами сборник, составленный из разнородного и разновременного материала: письма, «Объявления», допросные вопросы и ответы, судебный приговор. Он создавался, очевидно, прежде всего как юридический документ, как обвинительный акт против царевича. Об этом свидетельствует уже само его название: «...розыскное дело и суд ... на царевича Алексея Петровича». Но несмотря на разнородность составных частей и на то, что перед нами судебно-следственный документ, «Разыскное дело», по нашему глубокому убеждению, преследовало отнюдь не только узкоделовые, юридические цели и задачи. Оно представляет собой явление гораздо более сложное, значительное, далеко выходящее за рамки частного дела, судебного документа. Как в целом, так и в отдельных составных частях оно подчинено задачам открыто публицистическим, пропагандистским, воспитательным и обращено было к современникам и потомкам. Именно этот публицистический аспект «Разыскного дела» и составляет предмет исследования в данной статье.

Устанавливая виновность царевича, сбежавшего в Цесарию и искавшего там помощи со стороны иностранных держав для вооруженной борьбы со своим отцом, «Разыскное дело» подчеркивало, что главной целью наследника и его сторонников было противодействие преобразовательной деятельности Петра I, ликвидация новых, петровских начал в русской жизни, возврат к прошлому.

Пафос «Разыскного дела» не в установлении самого факта измены царевича, а в показе, во-первых, всей глубины опасности для судеб родины, которая таилась в политических притязаниях царевича и его единомышленников, и, во-вторых, в страстной защите разумной, государственно-патриотической и последовательно принципиальной позиции Петра I, который в тяжких и неусыпных трудах создавал новую Россию, могущественное и просвещенное государство.

Защита петровской программы преобразований и обоснование необходимости самой суровой борьбы с ее противниками — это те задачи, которыми руководствовался составитель «Разыскного дела» при отборе подлежащего публикации материала и при организации, компоновке его внутри сборника. Следует подчеркнуть, что опубликованное «Разыскное дело» — это лишь небольшая часть обширного материала, составлявшего судебно-следственное дело царевича Алексея.[1] Но то немногое, что предназначалось для широкой огласки, позволяло создать определенное представление о внутреннем облике царевича, о существе его разногласий с отцом и о том, что эти разногласия имели как частный, личный, индиви-

---

[1] См. публикацию его Н. Устряловым в «Приложениях» к VI т. «Истории царствования Петра Великого» (СПб., 1859), а также «Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым, с приложением разсуждения М. П. Погодина» (М., 1861).

дуально-психологический аспект (несходство характеров), так и общественно-политический (неприятие наследником государственной преобразовательной программы отца). При этом в «Разыскном деле» содержались не простая констатация фактов, свидетельствовавших о виновности одной стороны и непогрешимости другой, не простое указание на противоречие и конфликт между царем и наследником-сыном. Упор сделан на показе того, как и почему это произошло, на раскрытии и воспроизведении самого процесса, как он протекал во времени, самой истории возникновения и нарастания противоречий вопреки решительным попыткам Петра I погасить эти противоречия, изменить нрав и поведение сына. Именно установкой на конкретно-историческое осмысление дела царевича и на объективность суждений и оценок следует объяснить введение в состав «Разыскного дела» переписки Петра I с сыном о престолонаследии, начавшейся задолго до роковых событий и продолжавшейся около года (октябрь 1715—август 1716 г.). Этой установкой определено и само расположение переписки внутри сборника. Она не просто приложена к Делу в качестве дополнительного следственного материала, но открывает собой сборник как органическая составная часть его, притом едва ли не важнейшая, раскрывающая внутреннюю логику событий, исследуемых и оцениваемых в «Разыскном деле».

Поместив письма царя к сыну в начале сборника, составитель тем самым определенным образом направлял и организовывал мысль читателя, показывая ему, что преступление царевича и суд над ним — явление не случайное: оно было печальным итогом крайне сложных и трудных взаимоотношений между отцом и сыном; бегству царевича за границу, его измене предшествовали годы, когда царь прилагал настойчивые усилия по его перевоспитанию, стремился изменить, исправить его нрав, убеждения, идеалы, поведение. Но эти усилия неизменно наталкивались на упорное, хотя и молчаливое, скрытое сопротивление сына, поддерживаемого недоброжелателями отца, и потому оказались тщетными. Следовательно, переписка Петра с сыном, включенная в состав «Разыскного дела», выполняла в нем важную идейно-композиционную функцию. Она вносила известный историзм в осмысление дела царевича, определяла исходные позиции сторон, обнажала корни тех пагубных намерений и действий наследника престола, которые, по словам Петра I, были Авессаломовым делом.

Другие материалы, помещенные в «Разыскном деле» следом за перепиской царя с царевичем, отражали ход следствия и суда над возвращенным из-за границы наследником престола. В этой части «Разыскное дело» должно было убедить читателя в том, что давнее несогласие, отчуждение между царевичем и царем-отцом переросло границы внутрисемейного разлада и приобрело качественно иной, политический смысл и иные, государственные масштабы. Царевич Алексей стал знаменем враждебных прави-

тельству реакционных сил, лелеявших мечту о захвате власти, об уничтожении петровских преобразований, о возврате к допетровским нормам жизни.

В итоге становилась ясной общая концепция «Разыскного дела», которая могла бы быть сформулирована следующим образом: от непослушания и разногласия с отцом — к политическому предательству, государственной измене и в конечном счете к гибели — таков бесславный, но в известном смысле закономерный и весьма поучительный жизненный путь царевича Алексея, уподобившегося библейскому Авессалому.

Концепция эта отражала официальную точку зрения на дело царевича Алексея. Она осуждала противодействия наследника преобразовательной политике отца и обосновывала неизбежную гибель всякого, кто пытался ей противиться. Именно поэтому Петр стремился сделать ее достоянием как можно более широкого круга читателей. Ею он руководствовался не только при составлении «Разыскного дела», но и при самой организации судебного процесса. Суд над Алексеем имел широкие государственные масштабы. К участию в нем привлекались сотни лиц, все высшие гражданские чины и церковные иерархи. Суд над царевичем был в то же самое время судом над его сторонниками и вдохновителями и завершился их полным разгромом.

«Разыскное дело» по повелению Петра получило самую широкую гласность. Оно стало достоянием не только русской, но и иностранной читающей аудитории. Приказ о напечатании «Разыскного дела» «для известия всенароднаго» был отдан сразу же после вынесения смертного приговора царевичу и за день до его смерти. Изданное в июне 1718 г., Дело это переиздавалось при жизни Петра несколько раз.[2] Кроме того, в ходе разбирательства были опубликованы два «Манифеста», один — о лишении царевича Алексея прав на наследование престола, с пространным

---

[2] Объявление разыскного дела и суда по указу его царского величества на царевича Алексея Петровича в Санктъпитербурхе отправленнаго и по указу его величества в печать, для известия всенароднаго, сего июня в 25 день, 1718, выданное. Изд. 2-е. Петербург, 1720. По сведениям А. В. Гаврилова, «Объявление» в 1718 и 1720 гг. было напечатано в количестве 4536 экземпляров (1136 и 3400), см.: Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии, вып. 1. СПб., 1911, стр. 56. Но, по мнению Т. А. Быковой и М. М. Гуревича, существовало и еще несколько изданий «Объявления», которые разнятся по набору, в некоторых случаях — по концовкам и иногда по правописанию. Судя по украшениям и правописанию, они, несомненно, отпечатаны в Петербургской типографии, но в какие именно годы напечатано каждое издание, в настоящее время решить невозможно. См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—янв. 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 236. «Объявление» по делу о царевиче Алексее сразу же было переведено на иностранные языки. См. об этом: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 426—428.

обоснованием этого решения, а другой — по делу матери царевича, первой жены Петра I, Евдокии Лопухиной.

Но если Петр считал необходимым самое широкое распространение «Разыскного дела» среди подданных, неоднократно публикуя его и рассылая «в Коллегии и Канцелярии и в губернии, по городам и по церквам», выносил его не только на суд России, но и Европы, предупреждая тем самым возможные кривотолки по столь важному государственному вопросу, то внук его, император Петр II, сын казненного царевича, вступив на престол (май 1727 г.), первым делом, наперекор своему деду, строжайше запретил чтение, хранение и распространение «Разыскного дела», а вместе с тем и других документов — «Манифестов», имевших отношение к суду над Алексеем и тоже изданных в «народ».

Специальный именной указ, принятый Верховным тайным советом 26 июля 1727 г., «Об отобрании Манифестов, выданных из бывшей Розыскной канцелярии», гласил: «Объявляется во всенародное известие. Его императорское величество указал выданные в народ в прошлых годах Манифесты, которые публикованы по делам, бывших в Розыскной канцелярии, под ведением Петра Толстова, где оные ныне на лицо есть, також и те, которые разосланы были в Коллегии и Канцелярии и в губернии, по городам и по церквам, все собрать в одно место, а именно в Санктпетербурге и ближних сюда губерний в Сенат, а в Москве и прочих ближних к ней губерний в Сенатскую контору, чтоб впредь ни в которых Коллегиях и Канцеляриях також и в городах по Канцеляриям же и по церквам, оных отнюдь не было и не читали. А которые всяких чинов люди такие Манифесты в домах своих имеют, тем приносить и отдавать в Санктпетербурге в Сенат, а в Москве в Сенатскую контору; а которые живут в других городах и уездах, тем отдавать каждому в своем городе губернаторам или воеводам, которые у них принимать с записками, а им, губернаторам и воеводам, оные присылать в Москву в Сенатскую контору; и впредь никому тех Манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать. А кто имея у себя те Манифесты в домах и не объявит, или из Коллегий и Канцелярий собрав, в те места не отдадут, за то те люди отданы будут к суду. А в которых годах и месяцах и числах те Манифесты печатаны и в народ выданы, тому при сем указе сообщена роспись».[3]

В «Росписи» были указаны следующие четыре документа Разыскной канцелярии, возникшие в процессе следствия и суда над царевичем и тогда же изданные для всенародного известия:

1. «Февраля 3 дня 1718 года о наследствии», т. е. «Манифест» о лишении царевича Алексея прав на престолонаследие, издан-

---

[3] Полное собрание законов Российской империи, т. VII. [СПб.], 1830, стр. 831—832.

ный «в Москве в 3 день 1718 года»,[4] сразу же после возвращения царевича из-за границы, куда он бежал с целью найти покровительство цесарского короля и помощь для борьбы за престол.

2 и 3. «Того же года июня 25 дня, объявление блаженныя памяти о государе царевиче, и другой по делу Глебова и епископа Досифея». Под «объявлением» имелось в виду указанное выше «Разыскное дело», напечатанное в июне 1718 г. в Санкт-Петербурге. Что же касается дела Глебова и епископа Досифея, то оно также было издано «в Санктпетербурхе 1718 году месяце марте» под следующим названием: «Манифест или объявление, которое чтено в Столовой палате при освященном соборе и его царскаго величества при министрах и прочих духовнаго и гражданскаго чина людех, лета 1718 марта в 5 день».[5]

В этом «Манифесте» гражданам России объявлялись ход и содержание производившегося в феврале 1718 г. розыска по делу старицы Елены, первой жены Петра, Евдокии Федоровны Лопухиной, которая в 1697 г. была сослана царем в Покровский монастырь в Суздале, а через год насильственно пострижена «для некоторых своих противностей и подозрения».[6]

В «Манифесте» бывшая царица обвинялась в том, что она нарушила монашеский обет и, сняв с себя иноческое платье через полгода после пострижения, жила в монастыре мирянкой; в том, что полюбила капитана Степана Глебова, приехавшего в Суздаль для набора рекрутов, и в течение двух лет находилась с ним в близких отношениях; что вопреки воле царя поддерживала тайные сношения с сыном Алексеем и что надеялась вернуться к Петру и вновь быть царицею.[7]

Чтобы ни у кого не оставалось сомнения в виновности бывшей царицы и ее друзей, в «Манифесте» воспроизводились, в частности, «пророчества» и «видения» ростовского епископа Досифея, подлинные документы — «улики», в особенности же письма (три «своеручные» письма Евдокии к Степану Глебову, ее письмо с повинной Петру I, письмо Досифея к царевне Марье Алексеевне и его повинное письмо к царю).

Наконец, 4. «Устав о наследствии престола российскаго, февраля 5 дня 1722 года»,[8] менявший порядок наследования императорской власти в России. Согласно новому уставу царь волен был по своему усмотрению назначать себе преемника.

---

[4] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI, стр. 438—444.

[5] Там же, стр. 477—487; П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II, стр. 414—419.

[6] Эти слова в черновом листе «Манифеста» были вписаны рукою самого Петра I, см.: Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI, стр. 477, примеч. 206.

[7] Г. Есипов. Царица Евдокия Федоровна. М., 1863.

[8] Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. М.—Л., 1945, стр. 174—176.

Возникновение опасных для судеб государства замыслов царевича объяснялось здесь отчасти несовершенством прежнего закона — «обычая», по которому власть в стране наследовал старший сын царя, независимо от его личных достоинств или недостатков: «Понеже всем ведомо есть, какою авесаломскою злостью надмен был сын наш Алексей, и что не раскаянием его оное намерение, но милостию божиею ко всему нашему отечеству пресеклось (что доволно из Манифеста о том деле видимо есть), а сие ни для чего иного у него взросло, токмо от обычая стараго, что болшому сыну наследство давали; к тому ж один он тогда мужеска полу нашей фамилии был, и для того ни на какое отеческое наказание смотрет не хотел».[9]

Вводившийся Петром I новый порядок наследования императорского престола не только открывал ничем не ограниченные возможности «правительствующему государю» выбора наследника,[10] но и повышал, что особенно важно, требования к самой личности будущего правителя, убеждения и дела которого должны были соответствовать принципу «пользы отечества». Право на престол не просто наследовалось, но и заслуживалось.

Запрет Петра II на чтение и хранение материалов следствия и суда над его отцом распространялся не только на четыре названных в указе «Манифеста», но и на «прочие, ежели к тем делам явятся приличные».

Очевидно, что суровый указ Петра II был продиктован как сыновними чувствами юного императора, так и соображениями политическими. «Разыскное дело», другие «Манифесты», а главное — образ царевича Алексея, каким он виделся со страниц этих документов, возбуждали, конечно, нежелательные для нового правительства толки, суждения, оценки и мало способствовали политическому и нравственному авторитету этого правительства.

Действие именного указа оказалось, однако, столь же недолговечным, как и само царствование Петра II. Со смертью пятнадцатилетнего императора (1730) и с воцарением Анны Иоанновны он потерял свою силу. Несмотря на запрет и на то, что в результате него печатные экземпляры «Манифестов» стали большой редкостью, они все же не исчезли вовсе. Так, «Объявление розыскного дела и суда» на протяжении всего XVIII в., в особенности же в период двадцатилетнего царствования Елизаветы Петровны, отмеченного возрождением культа Петра I, властно притягивало к себе читателей и писателей и потому имело широкое хождение в рукописных копиях, содержащихся преимуще-

---

[9] Там же, стр. 175.

[10] «Кому оной хочет (государь, — *М. Н.*), тому и определит наследство и определенному, видя, какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в такую злость..., имея сию узду на себе». Цит. по кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 176.

ственно в составе исторических сборников и компиляций, посвященных петровскому царствованию.

Свидетельством широкой известности «Разыскного дела» при Елизавете Петровне может служить, например, рукописная редакция «Жития Петра Великого» Катифора, составленная в 1743 г. переводчиком Коллегии иностранных дел Стефаном Писаревым. С. Писарев значительно расширил иностранный текст «Жития» путем введения в него серии исторических документов петровского времени, в том числе и «Разыскного дела», воспроизведенного, однако, не по русскому оригиналу, а в переводе с французского.[11] Спустя почти тридцать лет С. Писареву удалось издать свой труд, хотя и в новой, несколько урезанной по цензурным причинам редакции.[12]

Таким образом, несмотря на попытку полного изъятия из обращения «Разыскного дела», сборник этот в том или ином виде находился в репертуаре широкого массового чтения на протяжении почти всего XVIII столетия. Как следует из всего ранее сказанного, причины устойчивого интереса к «Разыскному делу» можно видеть в сугубо публицистическом характере этого сборника как в целом, так и в отдельных его составных частях. В этом отношении наибольший интерес вызывает переписка Петра I с сыном. Она, как уже говорилось, велась с перерывами с октября 1715 по август 1716 г., а позднее, в 1718 г., была введена в состав «Разыскного дела», заняв в нем первое по порядку место.

Переписка состоит из трех писем Петра и ответов на них царевича. Обращенные к одному и тому же лицу и посвященные обсуждению одного и того же комплекса нравственно-этических и политических вопросов, связанные между собой временной последовательностью, письма Петра I к сыну могут быть рассмотрены как относительно самостоятельное звено в составе «Разыскного дела». Письма эти, в которых предпринималась последняя и решительная попытка преодолеть личные и политические разногласия с сыном, принадлежат к числу известных исторических документов эпохи и как таковые давно вошли в научный оборот.[13] Но они интересны и в плане историко-литературном: в них проявилось публицистическое дарование Петра I, его настойчивое и горячее стремление к воспитанию современников в духе идей

---

[11] См.: В. В. Буш. «Житие Петра Великого» Стефана Писарева. Пгр., 1915.

[12] Житие Петра Великого... На российский язык перевел Стефан Писарев. СПб., 1772.

[13] Кроме «Разыскного дела», где они публиковались по распоряжению и под наблюдением самого Петра, письма вновь по подлинным рукописям изданы Н. Устряловым в «Истории царствования Петра Великого» (т. VI, Приложения). В распоряжении Н. Устрялова были рукописи, две из которых (письмо первое от 11 октября 1715 г. и письмо второе от 19 января 1716 г.) — писарские копии, правленные и подписанные Петром, а третья (письмо от 16 августа 1716 г. из Копенгагена) — собственноручная.

общественных преобразований и высокой гражданственности. Адресованные сыну, письма царя по существу решавшихся в них проблем обращались не только к нему, но и к самой широкой читательской аудитории, к русскому и мировому общественному мнению. Доказательством тому служит как содержание писем, так и факт их неоднократной публикации громадным по тому времени тиражом, осуществлявшейся по воле автора «как известия всенароднаго».

И действительно, в письмах к сыну Петр вел вдумчимое и темпераментное обсуждение волновавших его общественно-политических, государственных проблем. Больше всего его заботило будущее создаваемой им новой России, будущее дела всей его жизни, которое он ставил в прямую зависимость от личности правителя страны. В этих письмах внимание автора и читателя сосредоточивается именно на обсуждении, характеристике и оценке самой личности наследника, его убеждений и нрава, его индивидуальных свойств и качеств со стороны их соответствия, вернее, несоответствия тем требованиям, которые царь предъявлял к своему преемнику.

Аналитический подход к характеру исторического лица, который наблюдается в письмах Петра к сыну, — явление не случайное для литературного процесса и не безразличное для исследователя. В этом отношении русская литература к XVIII в. выработала богатые традиции. Известно, что именно в публицистических «посланиях», письмах, «наказаниях» и «поучениях» XVI—XVII вв. (в переписке Грозного с Курбским, в «наказаниях» митрополита Даниила, в послании и наказании от отца к сыну Сильвестра,[14] в письмах, «челобитных» и других жанрах писателей-старообрядцев — протопопа Аввакума, Ивана Неронова, Никиты Добрынина),[15] а также в исторических жанрах последнего полуторастолетия древнерусской литературы (в «Истории» Андрея Курбского, в повестях о «Смуте», в Хронографах II и III русской редакции) впервые возникают характеры людей, исторических деятелей своего времени.[16]

В рассматриваемых письмах Петра I поддерживались и развивались те же традиции. В них раскрываются нрав, симпатии и антипатии, идеалы и убеждения, характер наследника престола, а вместе с тем здесь отчетливо проявилась и авторская индивидуальность. Послания Петра I к сыну несут на себе печать глубо-

---

[14] В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV вв. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 24.

[15] А. С. Елеонская и др. История русской литературы XVII—XVIII вв. М., 1969, стр. 159—178.

[16] Д. С. Лихачев. 1) Проблемы характера в исторических произведениях начала XVII века. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1961, стр. 218—234; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958; изд. 2-е — 1970.

кой семейной драмы царя-преобразователя, которая в конечном счете была проявлением величайшей драмы самой эпохи преобразований, борьбы между нарождавшейся и крепнущей новой Россией и старой допетровской Русью, той борьбы, которая определила собой направление и развитие всей русской культуры конца XVII и первых десятилетий XVIII в.

Говоря о публицистическом характере посланий царя к сыну, мы имеем в виду также их яркий стиль, разнообразие приемов и способов воплощения авторских идей.

Все сказанное относится особенно к первому письму, датированному 11 октября 1715 г. и озаглавленному «Объявление сыну моему», а в ходе изложения названному «тестаментом». Именно здесь впервые со всей остротой осознания меры личной ответственности и общественной значимости обсуждаемых проблем выявляются предметы давнего спора и несогласий между отцом и сыном, сущность конфликта между ними и разность занимаемых ими позиций.

Именно здесь, показав пагубность заблуждений сына, оцененных с точки зрения интересов государства, Петр стремится во что бы то ни стало внушить ему понимание необходимости энергичной деятельности в согласии с опытом и волей отца-преобразователя. Первое письмо поэтому должно стать предметом наиболее пристального внимания.

Научное осмысление сущности борьбы между царем Петром I и его наследником сыном Алексеем стало возможным лишь в XIX в. после того, как историком Н. Устряловым был собран и систематизирован огромный документальный материал о царствовании Петра I, опубликованный в его многотомной «Истории», где царевичу Алексею Петровичу отведен целиком 6-й том.

Исследования ряда историков, посвященные проблеме взаимоотношений между царем Петром и царевичем Алексеем, привели к тому убеждению, что конфликт между ними — это лишь частное проявление общего драматического характера самой эпохи преобразований. Так, основной вывод, вытекающий из всего хода специального исследования М. Погодина, формулируется автором в следующих словах: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем есть такое происшествие, которое имеет великое значение в русской истории; это граница между древней и новой Россиею, граница, орошенная кровью сына, которую пролил отец».[17]

Наиболее аргументированное и убедительное объяснение семейной драмы Петра I и наиболее объективная оценка дела царевича Алексея, принятая в основном и современной исторической наукой, содержатся в «Истории России» С. Соловьева.

---

[17] М. Погодин. Суд над царевичем Алексеем. Эпизод из жизни Петра Великого. [Б. м.], 1859, стр. 3.

По мнению С. Соловьева, выступление царевича Алексея было направлено против самых основ преобразовательной политики отца и не являлось выражением лишь его личных, сугубо индивидуальных убеждений и чувств, замкнутых в нем одном. Это отношение, убеждение и чувства были взлелеяны, всячески поощрялись и поддерживались представителями консервативного боярства и старинных княжеских семей, а также реакционным духовенством. Следовательно, конфликт между наследником престола и царем-отцом оказался одним из частных проявлений того общего и закономерного конфликта эпохи, который определен Соловьевым как борьба старого с новым. Выдающимся русским историком сказаны по этому поводу глубокие и проникновенные слова: «Время, нами описываемое, есть время тяжелой и кровавой борьбы, какая обыкновенно знаменует великие перевороты в жизни народов. Во время этих переворотов рушатся самые крепкие связи; борьба не ограничивается жизнью общественною, площадью, она проникает в заповедную внутренность домов, вносит вражду в семейства... Не удивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII в., внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его».[18]

Первое послание, «Объявление сыну моему», обозначило собой тот период в развитии взаимоотношений царя и наследника престола, когда противоречия между ними достигли полной силы и определенности. Задача послания в том и состояла, чтобы еще раз напомнить сыну о его главнейших недостатках, определить круг непреложных требований к нему как к наследнику и побудить его действовать в духе этих требований, в духе той государственной программы, которая была выработана и успешно осуществлялась отцом. В противном же случае, если отеческие внушения и на этот раз не будут восприняты и усвоены в качестве руководства к действию, отец объявлял ему о своей твердой и непреклонной воле лишить его прав на наследование престола. Иначе говоря, «Объявление сыну моему» преследовало в первую очередь воспитательные цели и задачи, и было оно не обычным письмом к сыну, а именно наставлением, поучением или, согласно авторскому определению, «тестаментом», «заветом». Именно воспитательным задачам и целям соответствует композиционная и образно-стилистическая структура этого примечательного произведения.

Несмотря на полемическую манеру изложения, «тестамент» отличается композиционной четкостью и завершенностью. В нем отчетливо выделяются три части, логически связанные между собой. Главная, центральная часть, написанная в форме прений отца

---

[18] С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IX, т. 17—18. М., 1963, стр. 105—106.

с сыном по кардинальным вопросам управления государством, предваряется вступлением, в котором идет речь о победах над шведами и о путях достижения этих побед, и завершается заключением, которое является логическим следствием всего изложенного в предыдущих частях. В нем содержится итоговое, выраженное в ультимативной форме требование к сыну «изменить свой нрав» и угроза лишить прав на власть в случае неповиновения.

Вступление оформляется в виде антитезы, характерной для официальной петровской публицистики вообще, согласно которой Россия времени Петра I — это «новая Россия», это «свет», а Русь предшествовавшей поры — это «старая Русь», «тьма». Старая Русь из-за своего «неискусства» в войне принуждена была сносить безмерно тяжкие «угнетения и обиды» от врагов-шведов, которые «не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но ... и со всем светом коммуникацию пресекли».[19] С особой болью Петр вспоминает здесь свои собственные неудачи, которые ему пришлось претерпеть в начале Свейской войны: «О коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне претерпели и с какою горестию и терпением сию школу прошли!». Однако ж не бесполезной была эта «школа». Несмотря на поражения в первые годы войны, Россия не склонила выю перед врагом, но накапливала опыт, напрягала усилия, умножала мощь своего оружия и в результате сокрушила шведскую гордыню: «тьма» отступила, и воцарился «свет».

Имея в виду победы над Швецией, Петр с гордостью восклицал: «Оный *неприятель, от которого трепетали, едва не вящее* от нас ныне трепещет!». Но он настойчиво подчеркивал при этом, что победы над столь сильным и опасным врагом дались нелегко и не по воле случая, а лишь «моими бедными и прочих истинных *сынов российских равноревностных* т р у д а м и *достижено*» (разрядка моя, — *М. Н.*).

От вступления, выполненного в виде развернутого противопоставления печального прошлого и радостного настоящего России, Петр обращался к главной теме своего послания: к вопросу о наследнике престола и о будущем России, которое он ставил в зависимость не от бога, а от личности предполагаемого правителя, сына своего, объявленного ранее наследником престола. Петра крайне тревожило сознание того, что убеждения и жизненные идеалы царевича решительно расходятся со взглядами отца, что наследнику престола чужда и враждебна та титаническая работа по всестороннему обновлению России, которой одержим он сам, царь, что сын сторонится этой работы и противится ей всем своим существом.

---

[19] Цит. по кн.: Н. У с т р я л о в. *История царствования Петра Великого*, т. VI, стр. 346—348. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

Царя страшила и угнетала мысль, что после его смерти, которая, как ему казалось, уже совсем не за горами, царевич станет «разорителем» всех его дел и начинаний. Свои сомнения и переживания он не делал тайной для сына, как и для кого бы то ни было еще. Напротив, многократно и настойчиво говорил о них наследнику. Так, уже в первом послании он с горечью вопрошал, обращаясь к сыну: «...я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощию вышняго насаждение и уже некоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (си речь все, что бог дал, бросил)?». О тех же неослабевающих тревогах и сомнениях скажет он и во втором своем послании, написанном спустя несколько месяцев после первого и после нового, еще более тяжкого приступа болезни, когда окружающие уже не надеялись на выздоровление занемогшего царя (стр. 50). Тяжкие недуги, мысли о смерти побуждали, очевидно, царя к безотлагательному решению вопроса о наследнике, о том, в чьи руки перейдет управление страной после него.

Второе послание выражало крайнее недовольство царя тем ответом, который он получил от сына на свое первое письмо к нему. В связи с этим он писал: «...рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прещение... ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить! Что же приносишь клятву, тому верить невозможно... К томуж и Давидово слово: всяк человек — ложь. Також хотя б и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздаешь рождение отцу своему? Помогаешь ли в таких моих несносных печалех и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи, что всем известно есть. Но паче ненавидишь дел моих, которыя я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал» (стр. 349—350).

Об отсутствии душевного покоя, вызванном все тем же недовольством поведением наследника, Петр писал и в третьем своем письме к нему (стр. 351).

Личность наследника престола, склад его ума и характера — это в глазах Петра не частный, семейный вопрос, а проблема первостепенной государственной важности, в известном смысле проблема будущего новой России, ее побед и преобразований, достигнутых ценой величайших усилий всего народа и полного самоотвержения самого царя. Вот почему забота о воспитании наследника была постоянной и тревожной заботой Петра и вот почему

требования к Алексею были столь суровыми и бескомпромиссными.

Вернемся к анализу первого послания. Его центральная часть начинается с непосредственного обращения царя к сыну с выражением глубочайшей горести, вызванной нерадивостью наследника его нежеланием трудиться, идти по пути, проложенному отцом: «Егда же сию богом данную нашему отечеству радость (т. е. победу над шведами, — *М. Н.*) разсмотряя, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребнаго (ибо бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой)».

Больше всего Петра тревожила нелюбовь царевича к воинскому делу, успехами которого Россия преобразилась и открыла дорогу к новой жизни. «Паче же всего, — сокрушался царь, — о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли и которых не знали в свете, ныне почитают!». Создателю русского флота и регулярной армии, одержавшей блистательные победы на полях сражений, воину и полководцу, Петру I больше всего хотелось видеть в характере сына-наследника хотя бы некоторое родство с собой, хотя бы только интерес к тому делу, которым был одержим он сам, только «желание», «охоту», «любовь» к наукам и делам ратным, а без того он не мыслил себе правителя созданной им новой России. «Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон, — писал Петр сыну. — Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может».

Обратить ум и сердце сына к активной и целенаправленной деятельности, подчинив ее принципу государственной пользы, — вот та главная задача, которая решается в центральной части послания. С этой целью автор стремится опереться отнюдь не на веру, а на разум своего сына и на его чувства долга перед отечеством и долга сыновнего. Основным же средством воздействия избирается при этом убеждение, осуществляемое не в форме обычного в древнерусской литературе отцовского поучения и наставления и не путем перечисления правил и норм жизненного поведения. Новизна идей, которыми руководствовался автор и которые стремился во что бы то ни стало внушить своему адресату, актуальность и острота обсуждаемых вопросов требовали иных, более сильных и более действенных форм внушения и агитации. Перед нами не ровное, спокойное движение мыслей и чувств автора, а поток страстей, борьба мнений, горячий взволнованный спор, сопровождаемый то экскурсами в историю, то обращением к своему личному опыту военной и государственной деятельности, то примерами из повседневного быта царской семьи.

Так, настоятельно требуя от наследника престола серьезных знаний, «любви» и «охоты» к воинскому делу, которые необходимы ему как будущему правителю не для того, «чтобы охочь был воевать без законныя причины», а для организации надежной обороны от врагов, автор не ограничивается лишь самой формулировкой этого положения, но развертывает целую систему аргументации, проверяя и обосновывая его истинность материалами истории и самой жизни. Личный опыт ведения войны со Швецией давал ему право сказать, что, только создав мощную армию и при крайнем напряжении всех сил, Россия сумела разгромить опасного врага и тем «от тьмы к свету вышла», от бессилия — к силе, от безвестности — к славе. А далее он приводит исторический факт противоположного характера — гибель Византийской империи, который осмысливается как прямое следствие пренебрежения верховной власти вопросами обороны. «Не хочу многих примеров писать, но точию равноверных нам греков. Не от сего ли пропали, что оружие оставили? — риторически вопрошал царь. — И желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал».[20]

Но этими доводами автор не ограничивается. Он продолжает расширять и углублять свою аргументацию, прибегая при этом к самым разнообразным способам и приемам.

Зная склад мышления, уклончивый и непокорный нрав своего сына, его скрытое, но упорное несогласие с отцом, царь, как бы предупреждая и опережая его возможный ответ, сам воссоздает предполагаемые возражения, указывает на возможные пути оправданий и уверток сына и последовательно разбивает и отметает их как ложные и вредные. В связи с этим меняется и форма изложения, характер интонаций. Монологическая речь и относительно сдержанный тон упреков и наставлений сменяются взволнованным спором: возникает своеобразный диалог, диспут между автором письма и его адресатом; авторская речь членится, перебивается предполагаемыми репликами, возражениями, контрдоводами другой стороны. Эти возражения и контрдоводы получают форму предположений, вопросов, которые от лица своего оппонента и за него формулирует сам автор, обращая их одновременно и к самому себе и к адресату: «Аще кладешь в уме своем, что могут то (воинские дела, — *М. Н.*) генералы по повелению управлять? Но сие воистину не есть резон»; «...слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон»; «Думаешь ли, что многие не ходят на войну, а дела

---

[20] Ср. в речи Петра, написанной и произнесенной им 22 октября 1721 г. по случаю заключения мира со Швецией: «Надлежит бога всею крепостию благодарит, однакож, надеяс на мир, не надлежит ослабеват в воинском деле, дабы с нами не так сталас, как с монархиею греческою» (Цит. по кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 156).

правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют». Предельный лаконизм, четкость и живость — отличительные признаки этого диалога. Это достигается путем применения риторических вопросов и восклицаний, синтаксического параллелизма и разного рода повторов, никогда, однако, не переходящих в однообразие и шаблон («аще кладешь в уме своем», «думаешь ли», «но сие воистину не есть резон», «но и сие не резон» и т. п.).

В споре автора со своим адресатом продолжается обсуждение главной идеи послания о недопустимости пассивного, безучастного отношения наследника престола к воинскому делу, имевшему решающее значение в жизни страны первых пятилетий XVIII в. Но в отличие от предыдущих суждений по тому же вопросу, содержащихся во вступлении и в начале главной части письма, исходящих только от автора, здесь, как мы видели, изложение собственных мыслей ведется с учетом позиций второй стороны, с учетом всех «за» и «против», благодаря чему создается иллюзия подлинного диалога-спора.

Приведенные нами реплики и возражения автору письма, высказанные от лица царевича, дают ясное и четкое представление о жизненных и политических принципах, которыми руководствовался наследник престола. Они могут быть сформулированы кратко в виде следующих тезисов: 1) положение властителя, царя позволяет ему быть лишь «повелителем» и не требует от него труда, глубоких и разносторонних знаний и тем более непосредственного личного участия в тех или иных государственных предприятиях, как бы важны они ни были; 2) военным делом, обороной и вооружением страны в частности, должны заниматься генералы («могут то генералы по повелению управлять», цари «многие не ходят сами на войну, а дела правятся»).

Каждый из этих тезисов, отражающих склад мышления и миропонимания царевича, один за другим подвергается обсуждению, анализу, проверке материалом живой действительности и личных наблюдений автора, и таким путем устанавливается полная несостоятельность и порочность принципов, которыми руководствовался наследник в своей жизненной практике.

Так, ложному представлению сына о том, что править страной — значит будто бы лишь «повелевать», Петр противопоставляет свой опыт и убеждение в великой силе личного примера «начальствующего». Повелевать можно и должно лишь со знанием существа дела; только силой личного примера и инициативы, только полной заинтересованностью в деле и горячей привязанностью, «охотой» к нему царь может направить энергию подданных, вдохновить их на труд и подвиги, без этого он неизбежно уподобится беспомощному птенцу. Это не должно быть уделом царствующей особы. И Петр с волнением обращает к сыну слова: «Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит на-

чальника, дабы его охоте последовать». При этом царю приходит на память брат Федор, во дни владения которого «не все ли паче прочаго любили платье и лошадей», точно так же, как «ныне (т. е. уже при самом Петре, — *М. Н.*) оружие?». Почему так получается? Да потому, что царь Федор Алексеевич больше всего любил лошадей, а главной страстью Петра было воинское дело. «Хотя кому до обоих дела нет, — заключает свою мысль Петр, — но до чего охотник начальствуяй, до того и все, а от чего отвращается, от того и все». А если так, «аще сии легкия забавы, которыя только веселят человека (платье, лошади, — *М. Н.*), так скоро покидают, колми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят!».

И снова с все возрастающей энергией и нетерпением царь обращает к сыну вопрос за вопросом, упрек за упреком, чтобы показать, как глубоко он неправ в своих суждениях о власти: «К тому же не имея охоты, ни в чем обучаешься, и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можеши? И как доброму добре воздать и нерадиваго наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть». И чтобы предупредить возможные сомнения в справедливости высказанных слов, царь еще раз возвращается к воспоминаниям о своем брате: «Спроси всех, которые помнят вышепомянутого брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел; чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня».

Следовательно, даже серьезные физические недуги, по мнению Петра, не отнимают у человека ни способностей, ни охоты к полезным занятиям. Почему же царевич-сын, не лишенный ни разума, ни некоторой «телесной крепости» и находящийся в том возрасте, когда человек проявляет наибольшую жизненную активность, почему он чурается всякого труда, уклоняется от участия в нужных отечеству делах, ведет жизнь праздную, бесцельную и безнравственную? Царь-отец не только указывает сыну на его недостатки, но и объясняет их, анализирует. По его мнению, виною всему сам царевич, его леность, упрямство и неповиновение, нежелание следовать отеческим наставлениям и пристрастие к людям «замерзелых обычаев», к «большим бородам», которые «ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются». Развивая эти мысли, царь уподобляет сына известному евангельскому ленивцу, вкопавшему талант свой в землю: «...обращуся паки на первое, о тебе разсуждая, — пишет царь сыну, — ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощию вышняго насаждение и уже некоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (си речь все, что бог дал, бросил)?. Еще же и сие

вспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому ж сколько лет, почитай, не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться».

В приведенном отрывке, как и во всем послании, обращает на себя внимание конкретность и живость стилистической манеры Петра. Даже библейские образы, к которым он часто прибегал в своих публицистических статьях и посланиях, приобретают в его изложении сугубо конкретный, человеческий смысл и начисто лишаются абстрактно-религиозной интерпретации; они удачно включаются в контекст бытовых, взятых из повседневной жизни царской семьи фактов, в которых, кстати сказать, отразилась негативная сторона этой жизни: взаимное отчуждение между отцом и сыном, брань, побои, угрюмое молчание. Не лишним будет заметить, что то, как представлены в «тестаменте» нравственные и общественно-политические принципы царевича, его внутренний облик, не противоречит истине. Об этом позволяют судить письма Алексея к отцу и другим лицам. Так, желая отвести гнев отца, в своем ответном на «тестамент» письме, уклоняясь от ответа по существу поставленных перед ним вопросов, он только жаловался на слабость здоровья, на телесные и умственные недуги, якобы препятствующие его воинской и государственной деятельности, и потому смиренно отказывался от прав на престол. Он писал отцу: «Милостивый государь-батюшка! Сего октября в 27 день 1715 году, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел; на что инаго донести имею, только буде изволишь за мою непотребность меня наследия лишить короны российской, буди по воле вашей. О чем и я вас, государь, всенижайше прошу, понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради наследия (дай боже вам многолетное здравие!) российскаго по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава богу! брат у меня есть, которому дай, боже, здравие) не претендую и впредь претендовать не буду; в чем бога свидетеля полагаю на душу мою и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою» (стр. 348—349).

Однако, как выяснилось позднее, во время следствия и суда над ним, когда были преданы огласке его тайные письма к единомышленникам, поведение царевича в данном случае, как и в связи с другими письмами к отцу по вопросу о престоле, было неискренним и притворным (Приложения, стр. 83, 84, 173). Втайне он искал любых, в том числе и насильственных путей к власти и

лелеял мечту о возвращении России к старым нормам жизни (стр. 49—56).[21]

Таким образом, «тестамент» Петра в своей главной части содержит целую систему аргументации, обоснования преобразовательной, государственной политики и в то же самое время отвержения иных, противоположных общественно-политических взглядов. Логические доводы автора перемежаются ссылками на конкретно-исторические примеры, на опыт отдельных исторических деятелей и на свой собственный.

Изложение ведется то в прямой форме, от лица автора, обращающегося к адресату, то в виде спора, диспута между ним и адресатом, так что мысли и чувства читателей-современников как бы невольно вовлекались в сферу тех размышлений и переживаний, которые составляют сущность царского «тестамента» и вместе с тем сущность общественной политической и идеологической борьбы переломной эпохи.

Авторская мысль и эмоции в этой центральной части «Объявления к сыну моему» движутся с непрерывным нарастанием, достигая предельного напряжения в следующей, замыкающей части, где слышится уже ничем не сдерживаемый царский гнев, появляются бранные интонации и, наконец, прямая угроза, которая звучит как отвержение, проклятие сыну, восстающему против отца.

Письмо завершалось следующими словами: «Что все я с горестью размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало подождать аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренный, и не мни себе, что один ты у меня сын[22] и что я сие только в устрастку пишу: Воистину (богу изволившу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Эти суровые заключительные слова преисполнены глубокого драматизма. В них выражена и внутренняя сила великого человека и властителя, бескомпромиссного, когда дело касается судеб государства, и вместе с тем бессилие преодолеть сопротивление себе, своим убеждениям, своей преобразовательной политике даже в собственной семье.

---

[21] См. также: Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым, с приложением рассуждения М. П. Погодина.

[22] К этому моменту царевич Алексей был единственным сыном Петра I, так как второй его сын, Петр Петрович, о котором упоминает в своем ответе на «тестамент» Алексей, родился лишь через несколько дней после написания самого «тестамента», но еще до ответа на него.